

9. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных (общ. ред.). – М., 2003.
10. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М., 2007.
11. Новиков, В. Словарь модных слов: языковая картина современности / В. Новиков. – М., 2011.
12. Петроченко, Л. А. Аллюзия в контексте межкультурной коммуникации / Л. А. Петроченко // Вестн. ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2002. – Вып. 1(29). – С. 38–39.
13. Серман, И. З. Комментарии. Незаконченные повествовательные произведения, наброски и планы: новые идеи романов, драм, повестей / И. З. Серман // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 т. – М., 1991. – Т. 10.
14. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
15. Gromová, E. Úvod do translatológie / E. Gromová. – Nitra, 2009.
16. Popovič, A. Teória umeleckého prekladu / A. Popovič. – Bratislava, 1975.

Текстовые источники

1. Вильмонт, Е. Полоса везения, или Все мужики – козлы / Е. Вильмонт. – М., 2000.
2. Из века в век. Словацкая поэзия: Стихотворения / сост., справки об авторах С. Н. Гловюка, Ю. Калницкого. – М., 2006.
3. Одоевский, В. Ф. Русские ночи / В. Ф. Одоевский. – Ленинград, 1975.
4. Паустовский, К. Золотая роза / К. Паустовский. – М., 1983.
5. Odojevskij, V. Ruské noci / V. Odojevskij. – Bratislava, 2006.
6. Paustovskij, K. Zlatá ruža / K. Paustovskij. – Bratislava, 1975.
7. Viřmont, J. Šťastné obdobie alebo Všetci chlapi sú svine / J. Viřmont. – Bratislava, 2004.

ДИНАМИКА ЖАНРОВЫХ ПАРАМЕТРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII ВЕКА²⁵

М. В. Косова

Научные интересы А. Е. Супруна составлял широкий круг лингвистических вопросов. Большое внимание ученых уделял речевой деятельности, в которой «находят отражение особенности строя и культурного уровня ... общества» [Супрун 1996: 179]. Это положение актуально в настоящее время, поскольку в современной лингвистике усилился интерес к региональному языку, языку отдельных социальных групп, имеющих свою историю и этнокультурную специфику.

В связи со сказанным ценными представляются документы XVIII века фонда «Михайловский станичный атаман», хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, – документы канцелярии Области Войска Донского [Документы канцелярии 2013], которая являлась административно-территориальной единицей Российского государства и характеризовалась социоэтническим и языковым своеобразием. Эти документы, имеющие разную жанрово-видовую принадлежность²⁶, составляют особый пласт культуры казачества. Обращение к ним не только позволит проследить закономерности развития национального русского литературного языка во всех формах его существования, историю региона, но и дополнить имеющиеся в лингвистике сведения о жанре документа как лингвистическом явлении.

Вопрос о жанрах, их релевантных признаках (параметрах) является одним из дискуссионных в науке. Существуют разные подходы к их изучению – традиционный (связанный с исследованием жанров художественной литературы), функциональный, коммуникативно-дискурсивный, когни-

²⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34004 «Динамика текстовой и языковой организации региональных документов XVIII–XIX вв. (по данным архивного фонда «Михайловский станичный атаман» ГАВО)».

²⁶ Термины «вид документа» и «жанр документа» в данной статье при анализе документного текста используются как синонимы).

тивный [Ильинова 2006: 10-11]; предлагаются их различные классификации, в том числе на историческом материале, и т. д. [Бабенко 2004; Белоконева 2011; Гальперин 2007; Качалкин 1988; Косова 2015; Плигина 2012; Ромашова 2014; Стилистический 2006: 56-88; Трофимова 2002; и др.].

В рамках исследования, проводимого коллективом ученых Волгоградского государственного университета²⁷, предложена типовая модель жанра документного текста, в основу которой положены несколько параметров: функция, субъекты коммуникации (адресант, адресат), характер передаваемой информации, структура, доминирующая модель, пространственно-временная локализация, которые взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое.

Модель отражает, во-первых, **связи параметров**, которые могут быть обязательными (сильными), например, связь параметров «адресант – адресат» и «функция»; «функция» и «информация»; «информация» и структура, «пространство и время», «информация и пространство», и факкультативными (слабыми), например, связь параметров «адресант – адресат» и «пространство», «структура» и «время», «функция» и «пространство», а также прямыми и опосредованными; во-вторых, **иерархию параметров** (в рассматриваемых документах выделяются 3 уровня иерархии, определяющие значимость параметров как жанрообразующих элементов). При этом важно отметить, что параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; они эксплицированы в речевой структуре текста различными средствами языка и допускают вариативность.

Модель отражает *динамику* жанровых параметров, их неодинаковую реализацию в документных текстах.

Исходя из того, что язык есть «динамическая система, предназначенная для речевой деятельности» [Супрун 1996: 132], динамику параметров мы понимаем в двух значениях: 1) в «синхроническом» – как их разновекторное взаимодействие, актуализацию связей определенных параметров в документах разных жанров; 2) в «диахроническом» – как

хронологическое изменение параметров и/или их речевой реализации.

Проанализируем два связанных между собой документа – войсковую грамоту и рапорт, которые функционировали в управлении Войском Донским и соотносились между собой содержательно. Войсковую грамоту можно рассматривать как распорядительный документ, создававшийся в главной канцелярии Области Войска Донского, а рапорт – донесение, сообщение о выполнении задания – как информационно-справочный документ [Горбань 2012: 12], как ответ на войсковую грамоту.

Обратимся к «**синхроническому**» **пониманию** динамики жанровых элементов.

Параметрами **первого уровня иерархии** являются «**адресант – адресат**» (участники коммуникации) и «**функция**»; они связаны между собой обязательной прямой связью, и в их реализации обнаруживаются выраженные различия документов.

Адресанты, и соответственно адресаты, рассматриваемых документов имеют разный социальный статус, что определяет специфику речевой реализации этих параметров.

Адресант войсковой грамоты занимает высокий статус, при этом особенностью войсковой грамоты является то, что адресант характеризуется как коллективный (донские атаманы и казаки, все войско донское). Обычно он неперсонифицированный, хотя иногда в тексте, в начальной формуле, встречается указание на конкретное лицо, но оно называется не как самостоятельное, а в числе других лиц (всех казаков), от имени которых составляется документ, что объясняется коллегиальностью управления Войском Донским: *От донских атаманов и казаков от з(о)с(по)д(и)на воискового атамана данила ефремовича и от всего воиска донскаго*²⁸ (ед. хр. 4, л. 1). В создании войсковой грамоты участвовали

²⁸ Здесь и далее при цитировании источников выносные буквы приводятся в строке; титла раскрываются, при этом восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; иные надстрочные знаки не воспроизводятся; вышедшие из употребления буквы заменяются соответствующими буквами современного алфавита; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами; в остальном сохранена орфография оригиналов.

²⁷ О. А. Горбань, Е. Ю. Ильинова, М. В. Косова, Е. М. Шептухина.

войсковой писарь, которому текст диктовался старшим по чину лицом или который создавал текст на основе его слов как вторичный, а также лицо, проставляющее печать, тем самым берущее на себя ответственность за подлинность документа и становящееся соавтором, о чем говорят выполненные другим почерком приписи: *У сеи грамоты наша воиска донскаго печать* (ед. хр. 3, л. 5).

Адресант рапорта занимает подчиненную ступень в воинской иерархии – это станичный атаман или старшина, но и он также может быть охарактеризован как «коллективный»: это станичный атаман (как правило указывается его имя) или старшина вместе со станичными казаками: *о сем покорнейше репортуем вашему в(ысокородию) и в(ойску) д(онскому) михаиловскои станицы станишної атаманъ григорей пековъ и всеи станицы казаки маия 12г(о) числа 1753г(о) году* (ед. хр. 8, л. 13). Если старшина не владел грамотой, то был еще один участник – грамотный казак, который со слов старшины записывал текст: *с темъ покорнейше репортуетъ старшина петръ лацилин вместо ево за неумением ево грамоте по ево приказу подписал козакъ ефим немухинъ* (ед. хр. 9, лл. 25 – 25 об.). Подчиненное положение адресанта отражает определение **покорнейшии репортъ**.

Адресат войсковой грамоты отличается широтой – это все Войско Донское – и выражается в начальной формуле: *станичным атаманам и казакам*. Иногда, при отправлении документа в одну из станиц, адресат персонифицируется, тогда в грамоте, наряду с упоминанием казаков, указывается имя атамана: *станицному атаману симеону каганину и казакам* (ед. хр. 1, л. 3) [подробнее об адресанте и адресате см.: Шептухина, Герасимова 2014; Горбань 2015].

Адресатом рапорта являются войсковой атаман или старшина, но принято было также обращаться ко всему Войску Донскому. В тексте указывается имя адресата, его должностной (воинский) чин, регалии, используются этикетные формулы (*высокоблагородный, высокородный, высокопочтенный, благородный, почтенный, Ваше высокоблагородие* и др.): *высокоблагородному и высокопочтенному г(о)с(по)д(и)ну воиска донскаго войсковому наказному ата-*

ману стефану даниловичу и всему воиску донскому (ед. хр. 9, л. 25 – 25 об.); *благородному и почтенному г(о)с(по)д(и)ну воиска данскаго старишне андрею ивановичу покорнейшии репортъ...* (ед. хр. 9, л. 9).

Параметры «адресант» и «адресат», характер отношений между участниками коммуникации, их статусность определяют параметр **«функция»**, связанный с интенциями, то есть намерениями, целью адресанта по отношению к адресату.

А. Е. Супрун отмечал, что «чистые, выполняющие лишь одну цель речевые акты – скорее исключение или идеализация...», что «большинство речевых актов имеет многоцелевой характер, ...одна из целей оказывается более существенной...» [Супрун 1996: 29]. Это наблюдение подтверждается при анализе документных текстов, которые выполняют несколько функций и в которых одна становится доминирующей, основной.

Так, войсковая грамота как распорядительный документ выполняла предписывающую и информативную функции. Грамоты рассылались из войсковой канцелярии по казачьим станицам для уведомления и исполнения, с их помощью осуществлялось управление Областью Войска Донского. Рапорт, будучи информационным документом, выполнял прежде всего информативную функцию, сообщая о том, что исполнено некое «распоряжение», и это находит отражение в композиции текста документа. Например, в начале рапорта, подготовленного как ответ на войсковую грамоту с повелением дать справку о каком-то казаке, кому был выдан паспорт, говорится: *Сего августа 15г(о) дня по силе насланнаго к нам от вашего благородия предъложения о родине и о знани нами нашей станицы козака григоря полетаева пасынка ево ивана салавкова о котором...* (ед. хр. 9, лл. 9 – 10).

Ко **второму уровню иерархии** относятся параметры **«информация»**, **«структура»** и **«модальность»**.

Параметр «информация», обусловленный обязательной прямой связью с параметром «функция», имеет в свою очередь обязательную прямую связь с параметром «информация» и обязательную, но опосредованную связь с параметром **«структура»**.

На этом уровне модели, в реализации этих параметров различия между войсковой грамотой и рапортом выражены слабее.

Так, основу обоих документов составляет фактуальная информация, которая представляет собой его содержание, отражает суть событий и всегда выражена вербально. Документы отражают жизнь Войска Донского, их писали по различным делам – о розыске беглых, о зачете в службу казакам походов, об отводе лугов для почтовых лошадей, о назначении на должность, об освобождении казаков от уплаты венецной пошлыны, о запрещении продажи соли и др.

Однако и в войсковой грамоте, и в рапорте имеет место также социокультурная информация, которую можно понимать как культурно-исторический фон, знания, обуславливающие достоверность интерпретации фактуальной информации. Социокультурная информация в документах представлена имплицитно. Передача такой информации не является целью этих документов, однако содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском, а именно: его единство и целостность; соблюдение войсковой иерархии; надлежащее исполнение своих обязанностей и др.

Что касается реализации параметра **«структура»**, то рассматриваемые документы обнаруживают как различия, так и сходство.

Композиция войсковых грамот соответствовала приказной традиции составления документов. Грамоты имели однотипную, достаточно строгую структуру, реквизиты графически и синтаксически не были выделены из общего текста (они входят в состав предложений, представляющих собой типовые речевые формулы), что было характерно для приказного делопроизводства. Так, речевые формулы выполняли функцию реквизитов «адресант», «адресат»; описание основного содержания соответствовало реквизиту «текст документа», который начинается после указания адресата глагольной словоформой *объявляемъ*, т. е. «сообщаем», и после которого следовало подробное изложение события, включающее элементы повествования. Композиционно

содержание делится на две части, связанные с функциями этого документа: сначала говорится о фактах, послуживших поводом для принятия решения (мотивирующая часть), затем – решение и действия, которые адресат должен исполнить (предписательная часть). В конце текста использовалась формула, соответствующая реквизитам «место» и «дата составления документа»: *«Писана в Черкасском (год, месяц, число)»*. После даты документа в грамотах следовала формула: *У сего грамоты наша воиска донскаго печать*. Печать располагалась под текстом.

Рапорт составлялся в соответствии с другими традициями. Новым был сам вид документа, который, в отличие от войсковой грамоты, имел наименование.

Применительно к рапорту уже можно использовать понятие «реквизиты» в современном понимании данного термина, так как эти текстовые фрагменты занимали отдельные позиции в документе. Рапорт имел следующие реквизиты: «адресант», «адресат», «наименование документа», «текст документа», «подпись», «дата» (печати у рапорта не было) [Горбань 2012].

Реквизит «адресат» располагался по центру или ближе к правому полю: *Благородному и почтенному г(о)с(по)д(и)ну воиска данскаго старшине андрею ивановичу* (ед. хр. 9, лл. 9 – 10). Ниже справа иногда указывался адресант: *старшины петра лаццилина* (ед. хр. 9, лл. 20 – 20 об.), который был выражен также в реквизите «подпись»: *старшина петръ лаццилинъ подписался* (ед. хр. 9, лл. 20 – 20 об.). Реквизит «наименование документа» располагался под реквизитом «адресат»: *покорнейшии репортъ* (ед. хр. 9, лл. 20 – 20 об.). Далее с небольшим отступом от наименования – реквизит «текст». Он начинался «вводной частью», где указывались дата и объяснение полученного распоряжения; затем шла информация об исполнении; потом использовалась заключительная фраза: *о сем покорнейшии репортует михайловскои станицы станицнои атаман григорей пековъ старики и вся станицы козаки* (ед. хр. 9, лл. 9 – 10).

Параметр «время» получал реализацию в обозначении даты, которую писали под текстом: *Февреля 27 дня 1753г(о) году* (ед. хр. 8, л. 13). Кроме того иногда вверху или внизу документа указывалась дата его получения канцелярией:

Пролучень генваря 25г(0) дня 1794 года, а также располагался реквизит «исходящий номер»: посланъ июля 30г(0) дня 1753г(0) году (ед. хр. 8, л. 50) [см. Горбань 2012].

Сходство композиционной структуры рассматриваемых документов проявляется в первую очередь на уровне реализации параметров «адресант – адресат»: иерархия отношений адресанта и адресата выражена последовательностью их указания в формуле – от вышестоящего к нижестоящему, в логической организации частей собственно текста.

Параметр «адресант – адресат» имеет опосредованную параметром «функция» обязательную связь, а параметры «информация» и «структура» прямую факультативную связь с параметром «**модальность**».

И здесь рассматриваемые документы имеют сходство и различия.

В текстах войсковой грамоты и рапорта доминирует объективно-модальное значение реальности [о классификации модальных значений см.: Ваулина, Кукса 2010: 28, 32], экспликаторм которого служат формы реального наклонения (синтаксического индикатива). Устойчивые формулы как компоненты структуры, выполняющие функции документных реквизитов в войсковых грамотах, и реквизиты в рапортах указывают на реальность излагаемых фактов, подтверждая подлинность документов, а значит, и содержащуюся в них информацию [подробно см. в: Шептухина, Горбань 2015; Горбань, Шептухина 2016].

Различаются документы значениями ситуативной и субъективной модальности.

В войсковой грамоте, особенно в предписательной части текста, реализуется модальность необходимости, волеизъявления, возможности. Например: *и какъ сия наша войсковая грамота вами михайловскою станицею получена будет и вамъ станицному атаману и казакамъ об ономъ **ведать**; и по вышеписанному **учинит непременно исполнение*** [ед. хр. 6, л. 8 об. – 9].

Текст рапорта отличается нейтральной ситуативной и субъективной модальностью, однако используемые в нем принятые этикетные формулы выражают почтительность: *о сем покорнейшии репортует михайловскои станицы ста-*

нищнои атаман григореи пековъ старики и вся станицы козаки (ед. хр. 9, л. 9); *получили мы покорнейшии от вашего высокоблагородия и всего воиска донскаго войсковую грамоту* (ед. хр. 8, л. 13); *нам нижайшим станишному атаману и козакам* (ед. хр. 8, л. 26 – 26 об.); *от меня покорнейшаго к оному старшине юдину* (ед. хр. 9, л. 20 – 20 об.).

На **третьем уровне иерархии** находятся параметры «**пространство**» и «**время**», которые связаны между собой прямой обязательной связью, но которые опосредованно, через прямые связи, зависят от параметра «адресант – адресат»: «время» зависит через «модальность», а «пространство» – через «функцию» и «информацию». Реализация параметров «пространство» и «время» не показывает различий между войсковой грамотой и рапортом.

Обратимся к **диахроническому пониманию** динамики жанровых параметров.

Сравнение войсковых грамот середины и конца XVIII века показало ряд произошедших изменений в реализации параметров этого речевого жанра.

Так, в конце XVIII века в заключительной речевой формуле, реализующей параметр «адресант», уже не используется местоимение *наша* при существительном *печат*: *У сей грамоты воиска донскаго печат* (ед. хр. 78, л. 1), что свидетельствует об угасании «субъективности» документа.

Несколько иначе представлен параметр «информация»: уходит нарративность в изложении содержания, события передаются компактнее. Это определяет и изменение параметра «структура». Текст войсковой грамоты становится меньше по объему: если раньше он занимал 1–2 листа, включая оборотные стороны, то теперь – примерно половину одной стороны листа; реквизиты выделились из текста.

Более упрощенную форму имеет речевая реализация параметров «место» и «время» документа. Сравним документы разных хронологических периодов: *писана в черкасскомъ 1744го году ноября 12 дня* (ед. хр. 3, л. 5) и более упрощенное позднее обозначение: *черкаскъ. 1783 года февраля 20 дня* (ед. хр. 78, л. 42).

Реализация параметров «адресат», «функция» и «модальность» в войсковых грамотах конца XVIII века остается прежней.

Диахроническая динамика жанровых параметров обнаруживается и в рапорте.

Так, изменения происходят в речевой реализации параметра «адресант»: он иначе представлен в реквизите «наименование документа», из него уходит прилагательное *покорнейший*, а остается только существительное *рапорт*: *есаула Лацилина рапорт* (ед. хр. 78, л. 39); более упрощенно оформляется и подпись адресанта: вместо развернутой формулы, например, *старшина петр лацилин подписался* (ед. хр. 9, лл. 20 – 20 об.) используется однословная подпись (ед. хр. 78, л. 40 об.).

Параметр «адресат» реализуется меньшим количеством эпитетов в формулах обращения: *Благородному атаману...* (ед. хр. 78, л. 19); он становится персонифицированным, в частности, уже не употребляется речевая формула *и всему войску донскому* (ед. хр. 78, л. 19).

Так же, как и в войсковой грамоте, иначе представлены параметры «информация», в реализации которого уходит описательность, и «структура» – текст рапорта становится меньше по объему, реквизиты графически отчетливее отстранены от текста. То есть и в войсковой грамоте, и в рапорте «документная» и «текстовая» информация разделились.

Параметр «функция» рапорта не изменился, и связанная с ней объективная модальность реальности осталась прежней, но слабее стала выражаться почтительность. Параметр «пространство» не меняется, однако более упрощенно реализуется параметр «время», например, было: *сентября 8го дня 1753го году* (Ед. хр. 9, л. 20 об.), стало – *8 февраля 1783 года* (ед. хр. 78, л. 39 об.).

Представленная типовая модель жанра документного текста отражает сложные, многомерные связи составляющих ее параметров, речевая реализация которых зависит как от вида документа, так и от условий его функционирования. Исследование жанровой структуры документов в ее динамике позволит расширить имеющиеся в современной

науке представления о документе как лингвистическом объекте, о знаковом составе и качественной специфике его текста, закономерностях формирования и развития.

Литература

1. Бабенко, А. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / А. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М., 2004.
2. Белоконова, К. А. К проблеме жанрово-стилевой принадлежности документного текста / К. А. Белоконова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. – 2011. – № 2(14). – С. 148–153.
3. Ваулина, С. С. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса // Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. – Калининград, 2010. – С. 25–34.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е изд., стереотип. – М., 2007.
5. Горбань О. А. Композиция и языковые особенности документов канцелярии правительства области Войска Донского / О. А. Горбань // Вестн. ВолГУ, Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2(16). – С. 11 – 16.
6. Горбань, О. А. Особенности выражения субъекта текста в региональных документах XVIII века / О. А. Горбань // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 356–360.
7. Горбань, О. А. Реализация объективной модальности в текстах войсковых грамот середины XVIII века / О. А. Горбань, Е. М. Шептухина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2016. – № 2(31). – С. 34–45.
8. Документы канцелярии Михайловского станичного атамана. – Волгоград, 2013.
9. Ильинова, Е. Ю. Когнитивный аспект жанрового пространства текста / Е. Ю. Ильинова // Науч. Вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2006. – Вып. 6. – С. 9–17.
10. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи: в 2 ч. / А. Н. Качалкин. – Ч. I: Источники изучения и вопросы авторства документа; Ч. 2: Филологический метод анализа документа. – М., 1988.
11. Косова, М. В. Параметры речевого жанра как модель документного текста / М. В. Косова // Современ. коммуникативистика. – 2015. – Т. 4, № 6. – С. 16–19. .

ТЕКСТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХРОНИКИ БЫХОВЦА

Е. Н. Руденко

12. Плигина, Е. С. Корпус PR-текстов: эволюция системы жанров / Е. С. Плигина // Медиареальность информационного общества: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 15-летию Ин-та телевидения, бизнеса и дизайна, С.-Петербург, 6–7 декабря 2012 г. / под ред. Н. А. Гутеровой. Санкт-Петербург, 2012. С. 40–42.

13. Ромашова, О. В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) / О. В. Ромашова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5(48). – С. 127–130.

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – 696 с.

15. Трофимова, О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): дис. ... докт. филол. наук: (10.02.01) / О. В. Трофимова. – Тюмень, 2002.

16. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности: пособие для студентов фил. фак-тов вузов / А. Е. Супрун // Минск, 1996.

17. Шептухина, Е. М. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных деловых документах XVIII в. / Е. М. Шептухина, И. С. Герасимова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – № 5. – С. 41–51.

18. Шептухина, Е. М. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности / Е. М. Шептухина, О. А. Горбань // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – № 5(29). – С. 7–18.

Рукопись, получившая впоследствии название *Хроника Быховца*, датируется второй половиной XVI – началом XVII века; автор ее собрал и синтезировал все более ранние белорусские летописи, упорядочил сведения и изложил их последовательно, стройно и художественно. Рукопись была найдена в 1830 г. в библиотеке Быховца в Волковысском уезде учителем Виленской гимназии Ипполитом Климашевским, который передал рукопись Теодору Нарбуту. Нарбут в 1846 г. издал *Хронику (Pomniki do dziejów litewskich)*, а рукопись впоследствии была утеряна. В 1907 г. Хроника была издана еще раз с дополнениями, исправлениями и комментариями. *Хроника Быховца* опубликована в *Полном Собрании Русских Летописей* (Москва, 1975. Т. 32. С. 128–173) по изданию 1846 г., а также издательством „Беларускі кнігазбор” в 2001 г. (*Беларускія летапісы і кронікі*, Менск 2001, <http://www.bk.knihi.com>).

Издание 1975 г. максимально приближено к оригиналу; оно вообрало все сделанное в 1846 и 1907 гг.; сохранено написание текста латиницей; указана первоначальная нумерация страниц рукописи – эта нумерация была отмечена в издании 1846 г.

Современное издание представляет собой вольный перевод на архаизованный белорусский язык, текст передан кириллицей. Утраченные фрагменты Хроники здесь подобраны в общий текст – в издании 1975 г. такие фрагменты даны в сносках со ссылками на летописи, по которым они восстановлены. Помимо названных изданий, текст Хроники переводился на русский язык (*Хроника Быховца*, Москва 1966) и на литовский (*Lietuvos Metraštis. Bycoco Kronika, Vilnius 1971*).

Изначально Хроника Быховца написана цельно, без какого бы то ни было разбиения и структурирования, а в издании 2001 г. она разделена на 66 отдельных повествова-